

Самуил Лурье в моей жизни и в своих письмах.

В 1986 году я закончила странный текст, весь состоящий из описания моих переживаний, моей странной любви. Литература ли это или всего лишь человеческий документ, я не понимала, реальность в нем не преобразовывалась, во время писания я за грех считала малейшее отступление от того, как все было. Существует ли текст в отрыве от меня? Что с ним делать? Снесла единственному знакомому из литературного мира – Владимиру Михайловичу Акимову, он одно время заведовал отделом прозы в «Авроре». Пара холодных комплиментов и: «если быя был редактором, я не напечатал, потому что мне не интересны ни герой, ни героиня».

В это время мне попала книга Лидии Гинзбург «О психологической прозе», я подумала: вот кому это может быть интересно. И у кого-то спросила, как ее найти? Меня направили в «Неву». Там указали на дверь редактора. Я не слышала о Самуиле Лурье и, войдя, изумилась: я не могла представить, что в советском журнале может работать человек с таким в высшей степени интеллигентным лицом. На мою просьбу о телефоне Гинзбург, спросил: «Зачем?» – «Я хочу показать текст». – «Я дам телефон, но мой совет: пожалейте старую женщину. И она все равно отошлет вас ко мне.»

Я не решилась позвонить Гинзбург. Через какое-то время снова зашла к нему. «Выдали совет, не дадите ли и другой: что мне делать с моим текстом?» – «Ясно что: принесите мне». Через два месяца у меня во Всеволожке в три часа ночи раздался звонок, он прочел и звонит сказать, что это хорошо. Что Гинзбург понравилось бы и что-то про мадам де Севинье, про женскую прозу, которая совершенно не считается с законами мужской. А я думала: ни одному редактору не понравится. Я не знала, сколь выдающийся человек и критик мое писание оценил, для меня было важно, что он со мной не знаком. Значит, текст существует.

Самуил Лурье, ко всем прочим его высоким достоинствам, был способен воспринимать человека, пришедшего с улицы

Теперь я расскажу как это отразилось на моей судьбе. Он сказал, что попытается опубликовать. Это у него получилось через одиннадцать лет, когда «Нева» выпустила тематический номер «Петербург артистический», моим героем был художник. Публикация прошла незамеченной. Но какие-то люди, живущие в области, журнал выписывали, текст прочли и, будучи знакомы с директором «Борея» Таней Пономаренко, спросили у нее, кто такая Ляба Гуревич? После чего Таня предложила мне что-нибудь в «Борее» напечатать. Я дала статьи об арефьевцах, они вышли крошечной книжечкой в их серии «Памятники критической мысли». С ней пришел ко мне Исаак Кушнир и сказал: как можно печатать такие статьи в таком виде? И предложил мне делать альбом «Арефьевский круг». Поскольку этот альбом получил Град-при на международной ярмарке как лучшая книга года, моя подруга и редактор издательства «Искусство» Надя Николаевна смогла убедить свое начальство заключить со мной договор на издание словаря художников ленинградского андеграунда, над которым я работала. Наверняка ничего этого не случилось и все, что я делала, осталось бы втуне, если быя случайно не наткнулась на дверь, за которой сидел Самуил Лурье. Незадолго перед его смертью я все это изложила в письме к нему. Он отвечал: «Мне тоже, вообще-то, кажется, что я был человек доброй воли и литератор с неплохим вкусом и при этом еще и не трус. Но это не значит, что после смерти имя не закидают наспех разной дрянью. А такое письмо укрепляет иммунитет.»

И второе, для меня не менее важное: когда я писала, я всегда представляла его своим читателем и я знала, что у меня обязательно будет идеальный читатель, которому я доверяю абсолютно, с которым могу быть открытой до конца.

Я без стеснения посылала ему свой автобиографический текст, который до сих пор не решаюсь опубликовать из-за его откровенности. Я не могла понять, как, оставаясь правдивой, писать так, чтобы читателю не казалось, что он залез в чужой чемодан, что знает обо мне, ему не положенное. Вот ведь вся якобы автобиографическая порнуха Лимонова никого не смущает, поскольку это литература. Как осуществляется переход от неприличия оголенности во вседозволенность искусства? Я спросила его об этом у Самуила Ароновича. Он мне написал: «Отвечаю сразу, поскольку мне пришел в голову правдоподобный ответ. Или - рецепт. Абсолютно верного в этом случае, как и во всех других, не знает никто. Проблема в том, что читатель должен чувствовать некое превосходство автора. Не моральное, а умственное. Надо внушить ему такую иллюзию будто он, читатель, способен видеть это превосходство (которое у Вас-то реально есть, но он-то откуда

это знает). Самый простой и даже напрашивающийся случай - включить иронию. В том числе самоиронию. Это само собой расщепит рассказывающий голос на Ваш- страдающего лица и Ваш- все понимающего ума. Той, с кем это было, и той, кто пишет. Собственно, это и было бы создание персонажа - невидимого автора. А сейчас автор воспринимается только как видимый персонаж. И понятно почему: всему виной - происхождение текста из дневника. Недодержка. Неполное превращение в прозу. Которая все-таки всегда является победой ума над любым материалом.»

В ответ я ему написала, что ирония - не мое. И что мне тут не превзойти Вертинского или частушку. И привела: «В клубе дяденьку судили, Дали дяде восемь лет. После девушки спросили: Будут танцы или нет?» Частушка ему так понравилась, что он захотел вставить ее в текст своей следующей колонки в газете «Дело». Причем счел нужным попросить на это у меня разрешение, словно я ее сочинила. Его деликатность постоянно закаливалась: о моей статье для той же газеты писал: «Я выделил разными цветами сомнительные места. Их очень немного. Я поправил бывшее сам, но не смею.»

Прослышав, что он участвовал в телепередаче «Мат в литературе», послала свои записки с дрожжевого завода, содержащие разговоры, им пересыпанные, которые тоже редко кому показывала. Он среагировал так: «Текст, как всегда, превосходный. Ах, вот бы напечатать. Хотите - предприму шаги? "Звезда", конечно, застесняется (под впечатлением Вашего текста чуть не написал другой глагол). А если - в "Знамя"? С моим предисловием. Как было бы роскошно. Вдруг осмелятся? Да, и кстати о пошлости: сколько неприличных слов, а какая чистая проза! Изящная и высокоморальная.» Но как раз в это время издали закон о запрете ненормативной лексики в СМИ.

Пошлость тут упомянута в связи с его лекцией на эту тему в «Эрарте». После нее я написала ему письмо с упреком. Единственное, чем Самуил Лурье меня сердил, так это своим отношением к Блоку. Причем в этом отношении сказывалась одна его особенность, меня удивлявшая: он не отделял литературы от жизни. Он писал о ней так, словно это жизнь. Он рассуждал о том, почему Макар Деушкин не женился на Вареньке. На лекции о пошлости он привел примером стихотворение Блока «Своими горькими слезами». Пошлость или нет поездка на лихаче, мне кажется безразличным, если она преобразована в поэзию. Я предположила: использована как метафора. Отношение к великому поэту в мыслящем человеке я принимаю какое угодно, но выражение этого отношения на лекции в молодежной аудитории меня рассердило, я ему об этом написала. И выразила сожаление, что он не вкусил этого волшебного напитка - блоковской поэзии. Он отвечал: «А насчет напитка - я его вкусил. Илет тридцать, если не больше, сидел на нем, как сидят на наркотике. А потом увидел - то, что вижу теперь. Понимая и все то, что выговорите. Полит. взгляды Блока тут ни при чем. Он был неумный человек, но гениальный поэт. Да, жил в метафоре, сам себя тоже сделал метафорой. Метафора, по-видимому, имела какую-то течь, и теперь многие строфы целые стихотворения звучат (для меня) фальшиво (и притом, конечно, искренне). Фальшивая искренность - равняется лжи. Искренняя фальшь похожа на пошлость. Но говорить об этом походя, между прочим, в публичной лекции для необразованной молодежи - было, Вы правы, нелепо. Но я же не настоящий лектор. И надеюсь, что больше не буду этим заниматься.»

Видимо, он тогда уже был болен. Не зная этого, свое недомогание приписывал годам. «Никогда ни на что не надеялся, а вот теперь поддаюсь слабости - надеюсь. Что эта собачья старость не будет слишком долгой, постыдной и мучительной. Написал и сам вижу: это цельк три надежды Нереально.» Старость оказалось короткой, долгим процессом умирания. Мне приходили письма из Калифорнии от умирающего человека. К счастью он не терял ни мужества, ни своего великого дара мыслить, ни трудоспособности. До самого конца писал. И интересовался чужим писанием. «А также хотел бы я успеть прочитать Ваш текст. Сейчас я еще могу, а как долго смогу - не знаю. Будьте здоровы и благополучны. Надеюсь, Вы еще увидите, чем кончится этот страшный политический трагифарс. Надеюсь, он кончится если не хорошо (это невозможно), то хотя бы будет озарен бликами частичной справедливости.»

И я еще раз послала ему автобиографический текст, спросив, стал ли он прозой. В ответ: «Я прочитал - и считаю текст состоявшимся, хорошим, ясным, умным и мучительным. Но он требует продолжения, а главное - какого-то вывода, результата, итога, вывода, поскольку интересны в нем не телодвижения с прикосновениями, а непрерывная работа ума, который - раз умеет так отчетливо фиксировать свои прошлые поражения, - достиг, значит, какого-то согласия с самим собой и высоты взгляда. Вот читатель и ждет, что ему скажут, как подняться на эту высоту и почему не стоит стыдиться описанных автором (а читателем обычно скрываемых) собственных глупостей. Чем обширней и монументальней будет этот текст, чем дальше он пойдет, тем больше у него шансов не

пропасть. Хотя в наше время тексты не пропадают. Но ведь и не находятся: как отыскать иголку в стоге иголок? если к ней не привязана особенная нитка — никак.» И в следующем письме: «Почему-то теперь этого ощущения - что автор слишком доверяет читателю - теперь нет. Может быть, оттого нет, что этот конкретный читатель стал стар. Но есть ощущение постоянной досады из-за того, что автор так доверяет окружающим его, обманывающим, использующим - и таким примитивным существам. Это и есть глупость умного человека: он не верит в глупость других. И поэтому слабые пожирают сильных.»

Я не успела дописать этот текст при его жизни. Но и сейчас, когда я принимаю его править, у меня ощущение, что вместе со мной его читает он.